

УДК 811.161.1

DOI: 10.18101/1994-0866-2018-2-4-24-32

**КНИЖНО-СЛАВЯНСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ РАЗНЫХ УРОВНЕЙ
В ДЕЛОВОМ ЯЗЫКЕ XVIII в.**© *Майоров Александр Петрович*

доктор филологических наук, профессор,
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, Ранжурова, 6
E-mail: map1955@mail.ru

Статья посвящена характеристике книжно-славянских элементов фонетического, словообразовательного и синтаксического уровней, применявшихся в деловом языке XVIII в. в качестве стилиобразующих средств, а также тех элементов, которые участвовали в образовании терминологических наименований. В частности, рассматриваются такие фонетические признаки, как неполногласные сочетания *ра-*, *ре-*, *ла-*, содержащиеся в церковнославянизмах, которые переосмысляются как административно-управленческие и юридические термины (*градские люди*, *градское общество*, *преступление* и пр.) и как стилиобразующие средства делового языка (*глад*). Словообразовательные элементы церковнославянского происхождения также могут служить стилиобразующими средствами канцелярского слога: в деловом языке XVIII в. активно употребляются образования с приставками *из* (*ис*) и *воз* (*вз*, *вос*, *вс*). В деловом языке XVIII в. также выделяются книжно-славянские элементы синтаксического уровня. К ним относятся конструкции номинализации, которые употреблялись с временным, целевым, изъяснительным, причинно-следственным и другими обстоятельственными значениями.

Ключевые слова: книжно-славянские элементы; церковнославянизмы; деловой язык XVIII в.; неполногласие; словообразовательные средства; конструкции номинализации; стилиобразующие средства.

Как известно, отличительной чертой русского языка нового времени, определяющей дальнейший процесс становления единых норм национального языка, было синтезирование книжно-славянской (церковнославянской) и народно-разговорной языковых стихий во всех сферах функционирования русского языка [1; 2; 4]. Вслед за секуляризацией функций церковнославянизмов в литературном языке и их использованием в публицистике, художественной литературе, науке славянизмы стали применяться в деловом письме XVIII в. и со временем восприниматься как стилиобразующая черта канцелярского слога [9]. Разрушение традиционной обособленности, автономности функционирования делового языка донациональной эпохи и усвоение им норм литературного языка нового типа маркировалось использованием примет церковнославянского языка на самых разных языковых уровнях.

В частности, для стилистической маркированности слов, применяемых в деловом языке нового времени в качестве терминов и стилиобразующих средств, использовались в первую очередь фонетические признаки церковнославянского языка. Такие яркие формальные приметы, как неполногласие, *жд* на месте древнего *dj, *щ* на месте древнего *tj, как нельзя лучше подходили к выполнению стилистических функций. С одной стороны, с помощью этих признаков подчеркивалось противопоставление средств канцелярского языка словам разговорного языка, имеющим с ними общее происхождение (*обидимость* или *обиждение* — *обида* ‘обида’). С другой стороны, устанавливалось их принципиальное отличие от терминов приказного языка (*обидимость* или *обиждение* — *обида* ‘причинение материального ущерба’). Последнее важно в связи с тем, что отличительным признакам в плане выражения соответствовали изменения в плане содержания, поскольку в деловом (канцелярском) языке XVIII в. должны были найти отражение правовые, делопроизводственные, административно-общественные, социокультурные понятия нового времени и наследие приказной традиции — терминология приказного дело- и судопроизводства, под эту роль не подходила.

Из церковнославянских фонетических признаков, применявшихся в деловом языке XVIII в., особенно заметным выступает неполногласие. Так, для образования административно-управленческих терминов широко использовался корневой формант *град-*, употреблявшийся преимущественно в прилагательном *градской* (*градский*). Это слово употребляется в составных наименованиях, которые в деловом языке получали терминологическое значение. В памятниках забайкальской деловой письменности XVIII в. отмечены устойчивые словосочетания *градской человек* (мн. *градские люди*), *градское общество*, *градская полиция*. Такие словосочетания могли употребляться в документах практически любой жанровой принадлежности — распорядительных, отчетно-исполнительных, просительных документах, судебно-следственных делах и т. п.:

– всего ... в Нерчинску нерчинских дворянь и дэтей боярских... **градских** посацких людей 71 человекъ въ 71 дворэхъ (ИСВЗ, 102, 1701);

– пришел в Нерчинскую канцелярию нерчинской **градцкой человекъ** (ИСВЗ, 144, 1747);

– по силе | устава благочиния статьи 121^н должно бы и здешней **градской** | **полиции** всегдашнее о том иметь изыскание (ПЗДП, 98, 1796);

– ... здешнее **градское общество** соображаясь | съ симъ повелениемъ положило чтоб все имевшияся в городе | дома и протчия строения магистратского ведомства | переписать (ПЗДП, 41, 1797).

Расценивать подобные словосочетания как устойчивые, получившие функцию составных наименований позволяет то, что прилагательное *градской* выступает во всех случаях с фразеологически связанным значением. В функционально-стилистическом отношении словосочетание приобретает, как уже отмечалось выше, терминологическое значение. Например, составное наименование *градской человек* (варианты: *градской житель*, *градской обыватель*) выступало со значением ‘член градского общества, обычно вла-

деющий здесь недвижимой собственностью' [12, с. 210–211]. Устойчивое словосочетание *градское общество* обозначало 'жителей города, имеющих право участвовать в выборах магистрата и т. п.; граждан' [12, с. 210]. Более содержательную дефиницию термина *градское общество* дают историки, определяющие его как высший орган, имевший право юридического лица и способный заводить собственность, иметь доходы с имуществ, собирать с городского населения специальные сборы и т. п. [3, с. 138]. На собраниях градского общества право голоса было у горожан старше 25 лет, обладавших недвижимым имуществом, довольно богатым состоянием, капиталом, проценты с которого превышали 50 рублей [7].

В данном случае не исключено, что неполногласная форма *градской* призвана была подчеркнуть высокий социальный статус членов этого общества, участие в нем представителей высокого сословия.

В русском языке XVIII в. широко представлены слова с корнем *град-*, содержащем неполногласие *-ра-*. При этом семантика, функционально-стилистический статус, сфера функционирования тех или иных образований с этим корнем были различными. В частности, само слово *град* в литературном языке имело четыре значения: 'город', 'крепость', 'ограда, стена, крепостной вал', 'государство' [12, с. 208]. В первом значении его употребление было ограничено художественными произведениями (прозаическими текстами 1-й трети XVIII в. и поэтическими произведениями в течение всего столетия), а в остальных значениях употребительность слова *град* постепенно сокращалась [12, с. 208]. В этот период выходят из употребления однокоренные образования *градити*, *градный*, *градец*. Зато широко употребительными предстают сложные слова с неполногласным *град-*: *градодержавец*, *градодержатель*, *градолюбивый*, *градоначальник*, *градоправитель*, *градоправление* и др. [12, с. 209–210], которые преимущественно употребляются в качестве административно-управленческих терминов делового языка.

В качестве другого примера неполногласия, служащего семантико-стилистическим средством образования административно-управленческих, юридических терминов в деловом языке XVIII в., можно привести образования с неполногласным сочетанием *ре-*. Интересна, например, история слова *преступление*, содержащего неполногласие *ре-* и, как церковнославянское слово, употреблявшееся в книжно-литературных текстах донационального периода в значениях 'переход, перемещение'; 'расстояние, промежуток'; 'нарушение (закона, крестного целования, устава и т. п.)'; 'наступление (какого-то времени)' [13, с. 61].

В XVIII в., в результате переосмысления церковнославянизмов в новой, делопроизводственной и юридической сфере функционирования, начинается преобразование семантики слова *преступление*. Еще в 60-х гг. XVIII в. данная лексическая единица могла употребляться, обозначая поступки, выходящие за пределы допустимого, возможного (по положению, должности и т. п.); превышение каких-либо полномочий:

– За самовольное отлучение с караула и за **преступление** нужного оборонения ... (1760) [10, с. 374].

Однако, наряду с этим, слово чаще служит наименованием общественно опасного действия, связанного с нарушением закона, т. е. преступления:

– за вышеписанное его нынешнее **преступление** по силе | воинского „201,, артикула и указа государственной военной | коллегии 1767 ^{го} года генваря 8 ^{го} дня учинить наказание (ПЗДП, 5, 45 об., 1788).

Следует отметить системный характер освоения подобных фонетических черт церковнославянизмов: наряду со словом *преступление* так же активно входит в юридический оборот однокоренное образование того же генетического свойства *преступитель*:

Слушав апробовал и подписал три конфермации о учинении наказания **преступителям** (РГАДА, ф. 1092, 1754). — Прежде времени меня заключением яко **преступителя** закона (НАРБ, ф. 88, 1781). — Оказавшемуся **преступителемъ** селенгинскаго втораго баталиона салдату Гаврилу Иванову за побегъ <...> (там же).

Таким образом слова *преступление*, *преступитель* в новое время окончательно вытесняют из юридического лексикона характерные для приказного языка термины *воровство*, *воръ*, выступавшие ранее в соответствующих значениях ‘преступление’, ‘преступник’.

Неполногласные формы в деловом языке XVIII в. также широко использовались в функции стилиобразующих средств канцелярского слога. При этом в употреблении церковнославянизмов с неполногласием прослеживаются стремление следовать единым нормам формирующегося национально-го языка, попытка увязать приемы канцелярского слога с существующими книжными стилями:

– И без недачи провианту салдаты терпятъ всеконечную скудость и **гладъ** (РГАДА, ф. 1092, 1731). — Дабы люди а наипаче салдатство за недородом <...> хлѣба <...> не могли претерпеть нужды и **гладу** (РГАДА, ф. 1092, 1731). — От неимѣния в казнѣ доволного числа правианта воспоследует немалой **гладъ** (ГАЧО, ф. 31, 1756). — И ходилъ лесомъ несколько дней был все **гладомъ** (ПЗДП, 93, 1772).

Помимо фонетических средств в деловом языке XVIII в. активно использовались словообразовательные средства и словообразовательные модели церковнославянского языка, также выступавшие в функции стилиобразующих маркеров. Такие известные в церковнославянском словообразовании аффиксы, как *воз-/вз-(вос-/вс-)*, *из-/ис-*, *-ост(ь)*, *-ниј*, *-ств(о)* употреблялись при создании слов, функционирующих в качестве стилиобразующих средств, терминов нового делового языка. Вот некоторые примеры:

приставка ИЗ:

– Выбран я вышепомянутой в Читинском остроге зборшикомъ <...> **избирать** подушные денги по переписнымъ подушнымъ книгамъ (ГАЧО, ф. 10, 1744). — **Изгибла** одна кобыла своею смертию (НАРБ, ф. 262, 1734). — **Изломаль** у той книги печать (НАРБ, ф. 20, 1798). — Оная лошадь на Кяхтѣ в табуна обретається бездѣлна и за безкормицею **измираеть** напрасно (РГАДА, ф. 1092, 1730).

приставка ВОЗ-(ВЗ-)/ВОС-(ВС-):

– Приказывалъ мне **взнести** о семь формалную прозбу вашему высокоблагородию (НАРБ, ф. 20, 1784). — И хотя я господина Куркина о семь **возвещалъ** но онъ об[ъ]явилъ ему что теми сенокосчиками учиненъ ошибокъ (НАРБ, ф. 88, 1787). — Влесь в сени у дверей пробои вывернулъ **взошелъ** за стойку (ПЗДП, 91, 1785). — И у оной горы скинувъ я с ногъ гутулы чтоб на оную гору поскоряе **взойтить** (НАРБ, ф. 87, 1747). — Чтоб скоро ехали за нами о состоянии переговоровъ или с нами рат[ъ] **возыметъ** (РГАДА, ф. 1092, 1756). — А настречу ему Хохлову шел салдат Осеновской которому и **вскрычал** капрал Широковской одержи и бей ево (НАРБ, ф. 88, 1789). — Высекли меня батогами бес пощады а **вспомогатели** в том были фуриер Степанов капраль Кузнецовъ (НАРБ, ф. 20, 1785).

Славянизмы могли сохранять свою высокую окраску, употребляясь в таких документах, как царские манифесты, воззвания, дипломатические акты и т. д. Существует мнение о том, что «определенные группы славянизмов, придающих высокому стилю приподнято-торжественный характер, в деловом языке утрачивают данную стилистическую окраску и приобретают новую. Лишенные своей эмоциональной выпяченной тональности, эти слова приобретают характер архаических штампов деловой речи, т. е. становятся тем, что теперь называют канцеляризмами» [5, с. 178]. На самом деле в деловой письменности нового времени существовали жанры, в которых книжно-славянские средства именно с этой стилистической окраской были востребованы. Приведем пример употребления таких средств в клятвенном обещании:

Азь нижеимянованныи обещаюся и кленуся всемо|гушимъ Богом пред святымъ его евангелиемъ в томъ | что **хощу** и должень Его Императорскому Вили|честву моему **всемиловивейшему** великому =| государю императору Павлу Петровичу самодержцу | всероссійскому и Его Императорскаго Величества | **любезнейшему** сыну государю цесаревичу великому =| князю Александръ Павловичу законному всероссійскаго | престола наследнику верно и неллицемерно служить (ПЗДП, 123, 1798).

Наконец, книжно-славянские элементы обнаруживаются и на синтаксическом уровне языка деловой письменности XVIII в. К ним, относятся конструкции номинализации, которые служили главными стилеобразующими средствами нового, канцелярского слога и, благодаря своему книжно-славянскому происхождению, принимали непосредственное участие в становлении единых норм литературного языка, постепенно формируя и характеризуя канцелярский язык как функциональный стиль литературного языка нового типа. Семантика и структурные особенности конструкций номинализации рассматривались в основном на материале современного русского языка [6, с. 17–19; 8; 11, с. 193–195], поэтому актуальным является их характеристика в историко-стилистическом аспекте.

Данные конструкции передавали временное, целевое, изъяснительное, причинно-следственное и другие обстоятельственные значения. При этом одно и то же значение могло выражаться сочетанием отглагольных существительных с разными предлогами.

Приведем некоторые примеры:

Конструкции со значением цели: <...> покорнѣише прошу **для уличения** ево те договоры отъ него вытребовать <...> (ПЗДП, 95, 1796).

Конструкции со значением времени:

<...> **при строении** магазинов **при добыче** на оные лесу командѣ заработные денги с начала вступления в работу, копейки каждому на ден заплатит <...> (ПЗДП, 22, 1766).

Конструкции со значением причины:

<...> в той же работничьей избе ннѣ за неимѣнием работы ꙗ ссыльными за **нежитиемъ** зделаны ясли (ПЗДП, 108, 1743).

Конструкции с изъяснительным значением:

По сему ж допросу **о наказаніи** показанного солдата Расторгуева в батальонѣ приказом предложено ꙗюля 12 дня (ПЗДП, 93, 1772).

Стилеобразующая роль конструкций номинализаций особенно заметна в деловых текстах, по жанру и коммуникативной направленности соотносительных с документами приказного делопроизводства XVII в. Сравним для примера документы двух жанров разных исторических эпох, по коммуникативным функциям похожих друг на друга, — отписку XVII в. и репорт XVIII в. Оба документа представляют собой жанры отчетно-исполнительной документации, и для наглядного представления о стилистических функциях синтаксических средств русского языка разных исторических периодов приведем тексты этих документов (графико-орфографические особенности текстов упрощены и приближены к современной орфографии):

Отписка Мишки Клепикова об уплате оброчных денег:

Гсдрю Григор[ь]ю Михайловичю Мишка Клепиковъ челом бьет въ нынешнемъ гсдрѣ во РЗА г маяя 31 де писано гсдрѣ ко мне а велено доехат[ь] къ Федоровской жене Зловидова и говорит[ь] ей чтоб прислала за мнстрские пустоши за починки оброчные денги трицат[ь] один алтын четыре денги и къ Федоровской жене Зловидова ездиль и высылала папа и попу говорил чтоб за пустош[ь] за починки въ Покровской мнстрь оброчные денги послала и Федоровская де жена Зловидова сказала денги де за пустош[ь] за починки пошлю въ Покровской мнстрѣ въскоре да ко мне же гсдрѣ писано и къ старосте велено възорат[ь] Бабеи остров и попахат[ь] мнстрскими семени и Бабеи гсдрѣ остров пашня възорана а сеят[ь] тое землю овсомъ и ярицею и староста говорит и крестьяня земля де не пропрела семени де истерять а грешневых де гсдрѣ семень староста сказал оставлено толко против мнстрского жереб[ь]ю и об том что гсдрѣ укажеш[ь] ... (Пам. Влад., 215, л. 6–6 об., 1653).

Репорт иркутскому губернатору Лариону Тимофеевичу Нагелю об исполнении указа об организации помощи жителям в случае пожара

Его превоходителству господину тайному советнику иркутскому губернатору и разных орденов кавалеру Лариону Тимофеевичу из Верхнеудинскаго городского магистрата:

репортъ

По предписанию Вашего превосходительства истекшаго сентября от 17го за №1964м а в сем магистрате полученному 30го числа с приложениемъ правительствующаго Сената съ указа копии что по случаю последовавшаго в городе Рыбинске пожара и претерпенномъ от того обывателями уроне то какимъ бы образомъ всемъ вообще претерпевающимъ злоключения отъ пожаровъ и другихъ общественныхъ несчастий во обеспечивание каждого в своемъ имуществе возможно было получить пособие в разъсуждении городскихъ жителей зъ городовыми магистратами предположа свое разъсуждение доставить Вашему превосходительству сведение и по силе оногo повеления немедленное исполнение учинено быть имеетъ о чемъ Вашему превосходительству симъ всепокорнейше и доносится ... (ПЗДП, 65, л.1, 1797).

Сопоставительный стилистический анализ показывает следующие значимые различия. Для документа XVII в. характерно полное отсутствие каких-либо книжно-славянских средств и, в частности, отглагольных существительных на *-ениј- /-ниј-* и конструкций номинализаций. Известным стилеобразующим средством приказного слога выступают страдательные причастия (*писано, велено, оставлено*), традиция употребления которых в современном административном и официально-деловом стиле сохранилась.

Разительный контраст с приказным стилем являет канцелярский слог конца XVIII в., представленный в языке приведенного выше репорта. В синтаксической организации текста канцелярского делопроизводства главная роль отводилась книжно-славянским средствам: это прежде всего разные формы причастий, из которых ярко маркированным по церковнославянскому происхождению являлось действительное причастие наст. времени, образованное с помощью суффикса *-ущ/-ющ-* и *-ащ/-ящ-*. В тексте анализируемого документа причастий разных форм большое количество: *истекшаго, полученному, правительствующаго, последовавшаго, претерпенномъ, претерпевающимъ* и др. Из других книжно-славянских элементов, выступающих в роли стилеобразующих средств канцелярского слога, стоит отметить местоимения *сей, оный*, форму превосходной степени наречия *всепокорнейше*, лексические средства *злоклучение, имущество*, ну и, конечно же, отглагольные существительные с суффиксами *-ениј- /-ниј-/-иј-* *предписание, приложение, обеспечивание, разъсуждение, повеление, исполнение* и др., выполняющие различные синтаксические функции.

Сопоставление текстов документов ясно показывает, как для выражения одних и тех же грамматических значений используются разные средства, и способ выражения в этом случае красноречиво свидетельствует о стилистических функциях этих средств. Для подтверждения нашего тезиса проведем небольшой эксперимент: попробуем путем субституции представить, какое бы словесное оформление в исследуемый период получило то, о чем говорилось в документе XVII в. Так, очевидно, что фрагмент начальной фразы *въ нынешнемъ гсдръ во РЗА г мая 31 де писано ...* в восемнадцатом столетии прозвучала как *по предписанию* <имярек> *сего 1653 года мая 13 числа ...*, а фраза *велено* <...> *говорит[ь] ей чтоб прислала за мнстрские пусто-*

ши за починки оброчные денги... под пером канцеляриста была бы составлена как велено <...> *сообщить о присылке за мнстрские пустоши за починки оброчных денег...* В принципе подобное «стилистическое редактирование» в исследуемый период известно. В архивных фондах встречаются черновики скорописных документов, в которых правки их составителей говорят об их ориентации именно на славянизированный стиль делового письма. Однако исправлений предикативных конструкций на конструкции номинализации, к сожалению, пока не встретилось.

Таким образом, церковнославянизмы фонетического уровня в делопроизводстве XVIII в. могли использоваться: 1) в качестве стилеобразующих средств данной сферы коммуникации; 2) в качестве административно-управленческой и юридической терминологии; 3) в качестве средств высокого слога. Словообразовательные книжно-славянские элементы также могли выступать маркерами делового (канцелярского) стиля, и из них особенно активными были образования с префиксами *из (ис)*, *воз (вз)/вос (вс)*. На синтаксическом уровне востребованными в качестве стилеобразующих средств делового языка оказались конструкции номинализации.

Литература

1. Виноградов В. В. О новых исследованиях по истории русского литературного языка // Вопросы языкознания. 1969. № 2. С. 3–19.
2. Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. 492 с.
3. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. 352 с.
4. Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Языки русской культуры, 1996. 591 с.
5. Замкова В. В. Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII века. Л.: Наука, 1975. 220 с.
6. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2004. 544 с.
7. Игнатов В. Г. История государственного управления России. URL: http://society.polbu.ru/ignatov_gosupr/ch42_all.html (дата обращения: 10.11.2018).
8. Ли Валентин. Номинализация как категория книжно-письменной речи (к вопросу о национально-культурной специфике концептуализации действительности в русском языке: статья на Открытое Европейско-Азиатское первенство по научной аналитике, 2015. URL: <http://gisap.eu/node/76931> (дата обращения: 12.11.2018).
9. Майоров А. П. Славянизмы в деловом языке 1-й половины XVIII века // Филологические науки. 2009. – № 4. С. 29–37.
10. Майоров А. П. Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье. М.: Азбуковник, 2012. 584 с.
11. Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М.: Наука, 1974. 292 с.
12. Словарь русского языка XVIII в. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1989. Вып. 5.
13. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1994. Вып. 19.

Список сокращений

- ГАЧО — Государственный архив Читинской области
ИСВЗ — Исторический словарь Восточного Забайкалья (по материалам нерчинских деловых документов XVII–XVIII вв.) / авт.-сост. Г. А. Христосенко, Л. М. Любимова. Т. I. Чита, 2003. 352 с.
НАРБ — Национальный архив Республики Бурятия
Пам. Влад. — Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край. М.: Наука, 1984. — 368 с.
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
ПЗДП — Памятники забайкальской деловой письменности XVIII века / под ред. А. П. Майорова; сост. А. П. Майоров, С. В. Русанова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2005. 260 с.

SLAVIC WRITTEN LANGUAGE ELEMENTS OF DIFFERENT LEVELS
IN BUSINESS LANGUAGE OF 18TH CENTURY

Alexandr P. Maiorov

Dr. Sci. (Phil.), Prof.,
Buryat State University
6 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000, Russia

The article reviews the Slavic written language elements of phonetic, derivational and syntactic levels used in business language of the 18th century as style-forming tools, as well as for the formation of terminological names. In particular, the author reviews such phonetic features as the incomplete combinations of ra-, re-, la-, contained in Sacred Slavic language, which are reinterpreted as administrative, managerial and legal terms (city people, city society, crime, etc.) and as style-forming means of business language. Word-building elements of Sacred Slavic origin can also serve as style-building means of clerical language: prefixes «iz» («is») and «voz» («vz», «vos», «vs») were actively used in business language of the 18th century. Slavic elements of syntactic level are also seen in business language. These include constructions of nomination which were used with temporary, target, explanatory, causal and other adverbial meanings.

Keywords: Slavic written language elements, Sacred Slavic language words, business language of the 18th century, incompleteness, word-formation means, nomination constructions, style-forming means.